

Крым Дмтрий Балаганный театр

28.10.05

«Донкий Хот» Дмитрия Крымова называют спектаклем ученика Тадеуша Кантора

Независимая - 2005 - 28 окт. - с. 12.

Григорий Заславский

«Донкий Хот» — премьера спектакля Дмитрия Крымова, третий его спектакль на сцене театра «Школа драматического искусства», до сих пор здесь идут «Недосказки» в исполнении студентов его художественной мастерской, в декабре он обещает возобновить «Трех сестер», свою версию трагедии Шекспира «Король Лир». Вместе со своими учениками Дмитрий Крымов продолжает развивать традицию балаганного «театра художников», в прямом и переносном смысле они рисуют героев и их истории прямо на сцене, а иногда даже на собственных телах. После недавно прошедшей в Центре им. Вс. Мейерхольда Недели Кантора, великого польского режиссера, когда чуть ли не впервые в Москве были показаны видеозаписи его спектаклей, Крымову наконец нашли определение: его театр называют теперь театром ученика Тадеуша Кантора.

Дмитрий, ваша постановка называется довольно странно: «Донкий Хот». Поскольку предыдущий спектакль назывался «Три сестры» и речь в нем шла вовсе не о семье Прозоровых, то возникает вопрос: не про Гаргантюа и Пантагрюэля ли новая работа?

— Нет, это про Дон Кихота. Но это немножко другое. Это фантазия на тему Дон Кихота.

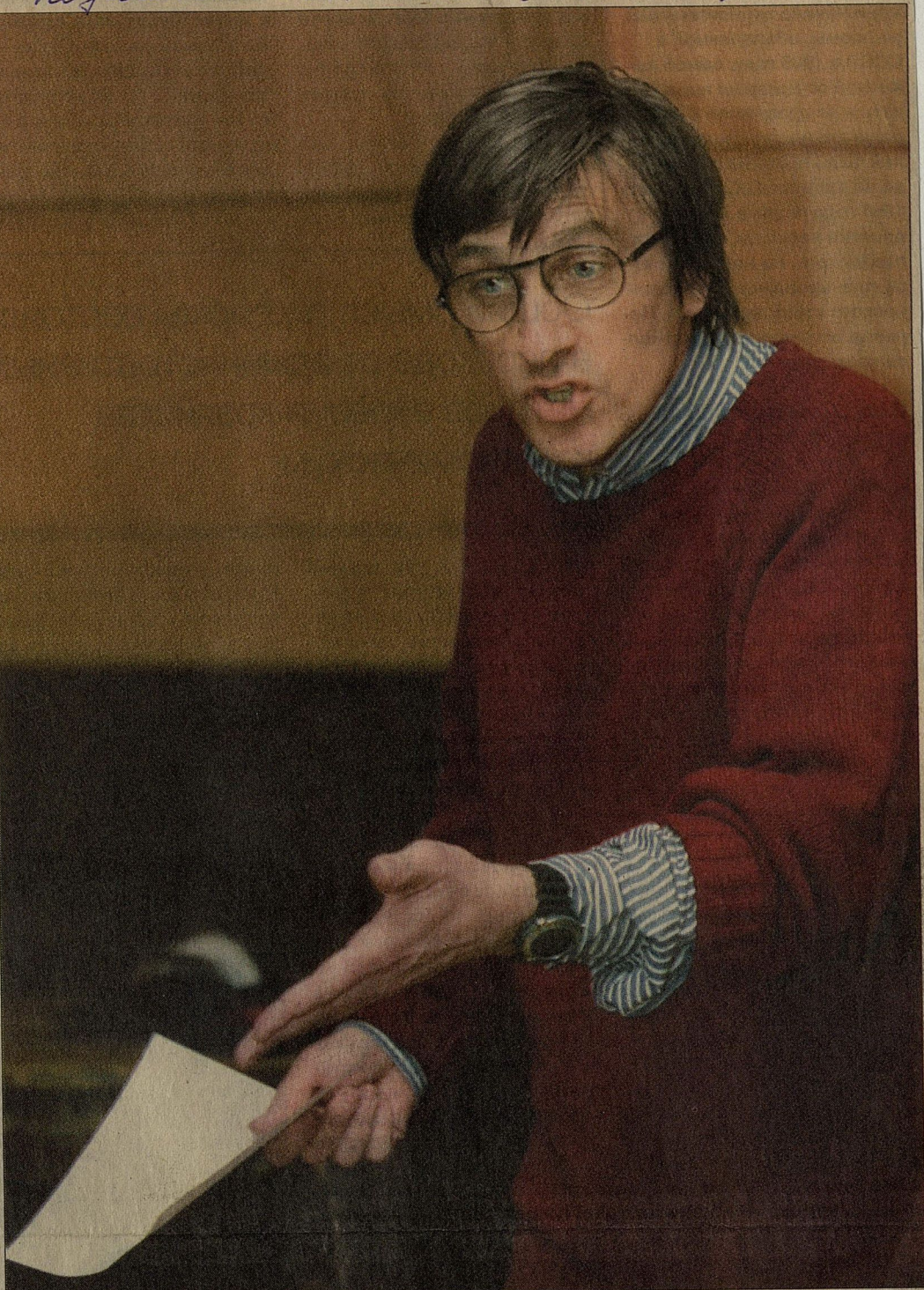
— А кто художник, не вы ли сами?

— Коллективный художник — это все мои студенты, девять человек.

— То есть те, которые выпустили полтора года назад спектакль «Недосказки». Кстати, он существует еще?

— Да, он идет. Мы были уже на двух фестивалях в Санкт-Петербурге: «Радуга», где нам дали даже премию, и «КукАрт».

— Художники, после того как попробовали сцену на

Дмитрий Крымов против того, чтобы его называли режиссером.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

сер. Режиссер, который поставил «Гамлета», «Короля Лира», а сейчас берется за прозу. Вы уже не просто любитель...

— Я не могу написать: «Режиссер Дмитрий Крымов». Это кощунство. Это постановка, а поставить может любой человек — художник, слесарь, геолог.

— Хорошо, вы не режиссер. Но это же не означает, что

лано на коленках, хотя искусство в нем и возникает именно из этой простоты материалов, которые используются...

— А в этом спектакле, когда нам дали деньги, я даже был в тревоге, не погубит ли это нашу наивность.

— И все-таки, откуда такое название?

— «Донкий Хот»? Так дети, оказывается, произносят. Им так

есть, имя есть, но ничто с ней там не связано. Есть лошадь. Есть какие-то опознавательные знаки героя: высокий рост, нескладность, а самое главное есть то, что его бьют люди, его ненавидят за что-то.

— В этом вашем спектакле заняты профессиональные актеры?

— Три профессиональных актера: два мальчика и одна девочка. Все они ученики Валерия Гаркалина.

— Имея опыт работы в традиционном стационарном театре имени Станиславского, скажите, молодым актерам легче объяснять, про что вы хотите поставить спектакль, или, наоборот, сложнее?

— В чем-то легче, в чем-то сложнее. Легче, потому что они готовы тебе поверить, а сложнее, потому что у них меньше доводов, на которые они могут опереться, что-то доказать. Актерам может быть что-то непонятно, но так происходит потому, что ты плохо объясняешь или сам не понимаешь, в чем дело. Если ты понимаешь, то найдешь слова. ■

Поставить спектакль может любой человек — художник, слесарь, геолог

вкус, не хотят ли стать актрисами?

— Нет, наоборот. Они не актеры и не хотят ими быть. Все эти страхи, поначалу бродившие в головах преподавателей, что это может заманить их куда-то в ненужные сферы, оказались напрасными, слава богу. Они художники. Да и я художник, а не режиссер.

— Но вы уже не первый спектакль ставите. Вы — режис-

спектакль ваш стоит дешевле, чем тот, над которым работают двадцать пять режиссеров.

— Нет, он очень дешевый. Мы же все делаем сами. Мы почти все купили за копейки на московской толкучке. Мы же первый спектакль сделали за свои деньги.

— В «Недосказках» как будто бы специально вы добивались ощущения, что все сде-

лается. Это такой детский взгляд на эту историю. История на самом деле отличается от того, что происходит в романе Сервантеса. Возле Дон Кихота есть женщина, не буквально, конечно, Дульсинея. Любая женщина, которая оказывается рядом с Дон Кихотом...

— Она тут же становится Дульсинеей?

— Автоматически. В романе ее просто нет. Так что типаж